



Средневековые города и их значение в истории цивилизации.

(Окончание).

Разсматривая частные случаи—изъ истории этой борьбы городовъ за освобожденіе, невольно начинаешь сочувствовать ихъ неустанной энергіи, ихъ терпѣливости и настойчивости,—невольно становишься на ихъ сторону. Вѣдь, въ сущности о чемъ здѣсь шло дѣло, какъ не о самыхъ элементарныхъ правилахъ гражданскаго общежитія? Города добивались господства законовъ въ родѣ слѣдующихъ: каждая услуга требуетъ платы; никто не можетъ брать себѣ вещи безъ дозволенія хозяина и пр.,—законовъ, безъ которыхъ намъ, пожалуй, трудно будетъ представить себѣ чловѣческое общество. И тѣмъ не менѣе эти правила, эти законы въ XII-мъ вѣкѣ считались мятежными, революционными! Но съ другой стороны, нельзя закрывать глаза и пройти молча мимо темныхъ, кровавыхъ явленій, сопровождавшихъ борьбу городовъ. Это была борьба дикая; страсти разжигались до послѣдней степени—и люди не щадили ничего для того, чтобы добиться своей цѣли. Для болѣе полной характеристики коммунальнаго движенія, которое безъ всякаго сомнѣнія было самой драматичной страницей средневековой истории, я остановлюсь на двухъ примѣрахъ: на коммунахъ Лаона и Реймса; оба эти города были епископскими, и въ обоихъ борьба была продолжительна и упорна.

Въ началѣ XII-го вѣка городъ Лаонъ былъ разбойничьимъ притономъ; дворяне бросались на горожанъ ночью, даже среди бѣлаго дня и вынуждали отъ нихъ деньги; горожане захватывали крестьянъ, приходившихъ на рынокъ и запирали ихъ въ своихъ домахъ; епископы налапали произвольные

подати и умѣли ихъ взыскивать съ лихою. Въ 1106 году въ епископы этого сварливаго города назначенъ былъ чело-вѣкъ, вполнѣ его достойный,—воинственный норманъ и охотникъ, особенно любившій говорить о сраженіяхъ и собакахъ. Своихъ подданныхъ онъ обложилъ неслыханными налогами; не довольствуясь обычными источниками доходовъ, онъ изобрѣталъ небывалые дотолѣ и между прочимъ чеканилъ фальшивую монету, которую подъ опасеніемъ строгихъ наказаній, должны были принимать жители его страны. Обыкновеннымъ исполнителемъ его безчеловѣчныхъ приказаній былъ негръ, котораго онъ выписалъ съ Востока и держалъ при себѣ въ должности палача. Въ 1109 г. онъ уѣхалъ на время изъ своего города, и жители, воспользовавшись его отсутствіемъ, составили коммуну и деньгами склонили французскаго короля Людовика выдать имъ коммунальную грамоту. Епископъ,—его звали Галдерихъ,—по своемъ возвращеніи, высказалъ сильный гнѣвъ, но былъ смягченъ деньгами, и коммуна, повидимому, благополучно стала дѣйствовать въ Лаонѣ. Такъ продолжалось около трехъ лѣтъ. Но въ 1112-мъ году епископу наскучилъ новый порядокъ вещей, стѣснявшій его произволь, и онъ обратился къ королю съ предложеніемъ семи сотъ ливровъ за уничтоженіе общины, а затѣмъ въ силу своей епископской власти разрѣшилъ и короля и себя отъ клятвъ, данныхъ горожанамъ. Жители были изумлены такимъ оборотомъ дѣла, началось волненіе; лавки и гостинницы были заперты, обычные занятія—прерваны. Вскорѣ присоединилась къ этому еще другая неожиданность: прошелъ слухъ, что ту сумму, какую епископъ обѣщалъ королю за уничтоженіе вольностей, онъ взыщетъ ни съ кого другаго, какъ съ тѣхъ же гражданъ. Ропотъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, и 40 человекъ даютъ клятву—убить епископа и его сообщниковъ. Галдериха тотчасъ же извѣстили объ этомъ готовящемся на него покушеніи, но епископъ оказался слишкомъ самонадѣяннымъ: „вы думаете,—сказалъ онъ,—эти люди могутъ что-либо сдѣлать своимъ смятеніемъ? Если бы Жакъ, мой негръ, схватилъ за носъ самаго страшнаго изъ горожанъ; тотъ не посмѣлъ бы даже ворчать“. На другой день раздались же по городу крики: коммуна!—и толпы Лаонскихъ гражданъ осадили дворецъ епископа. Только теперъ Галдерихъ понялъ,

что готовить ему судьба: переодѣвшись слугою, онъ забрался въ бочку въ глубинѣ подваловъ, и тамъ надѣялся спасти себя жизнь. Горожане нашли его и здѣсь; „кто тутъ?“—крикнулъ одинъ изъ нихъ, отвѣщая ударъ палкой. „Налый плѣнникъ“—отвѣтилъ епископъ, дрожа отъ страха. Его вытащили за волосы изъ бочки, повлекли на улицу, убили тамъ и уже мертвого подвергли разнымъ оскорбленіямъ, прочіе знатные дворяне, находившіеся въ городѣ, испытали тоже самое, и городъ былъ съ разныхъ концовъ подожеженъ.—Наказать разбушевавшуюся коммуну явился французскій король Людовикъ VI-й, но еще до его прибытія главные виновники возмущенія скрылись,—и месть короля пала на болѣе спокойныхъ горожанъ. Всѣ они были перебиты и городъ разграбленъ; рыцари войска Людовика унесли съ собою все, что можно было взять, даже мебель и замки отъ дверей. Послѣ этого порядокъ въ городѣ былъ водворенъ, потому что въ немъ почти не осталось жителей и самый городъ обратился въ жалкую деревушку. Спустя 16 лѣтъ, король и новый епископъ, однако, спохватились, что разореніемъ города они нанесли ущербъ своему же карману, и въ 1128-мъ году Лаонъ получаетъ новую грамоту, восстанавливающую прежнія коммунальныя права, хотя названіе новой хартіи и было измѣнено; вмѣсто *institutio communitatis* она названа была *institutio pacis*. Исторія Лаонской коммуны, помимо своего бытоваго значенія, любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней борьба и соглашеніе шли рука объ руку: безъ борьбы Лаонъ никогда не получилъ бы самостоятельности; однако, хартія дается ему, не какъ добыча или вознагражденіе за побѣду, а въ качествѣ милости со стороны короля и епископа.

Исторія коммунальнаго движенія въ городѣ Реймсъ отличается уже замѣтно другимъ характеромъ; она возбуждаетъ интересъ историка какъ по своей продолжительности и интенсивности, такъ въ особенности потому, что она захватываетъ собой слишкомъ широкій кругъ, привлекаетъ къ участию всѣ элементы средневѣковаго общества. Борьба реймскихъ гражданъ за свободу открылась въ первой половинѣ 12-го вѣка, длилась два слѣдующія столѣтія и окончилась вмѣстѣ съ паденіемъ средневѣковаго строя жизни и средневѣковой цивилизаціи. Окрестные городки—бурги, низ-

шее населеніе, окружавшее городъ, монастыри, епископы, король и, наконецъ, папа—всѣ эти элементы средневѣковья вмѣшивались поочередно въ эту борьбу, вставали то на сторону гражданъ, то на сторону ихъ сеніора, дѣйствовали каждый въ своихъ видахъ и со своимъ расчетомъ. Поэтому, исторія коммунальнаго движенія даетъ въ себѣ богатый матеріалъ для правильной установки того значенія, какое имѣло освобожденіе городовъ въ процессѣ развитія средневѣковаго общества и средневѣковыхъ учреждений.—Городъ Реймсъ былъ епископскимъ городомъ и занималъ въ ряду другихъ французскихъ городовъ передовое мѣсто. Онъ былъ духовной столицей Франціи; французскіе короли здѣсь возлагали на себя корону; здѣсь же хранился священный сосудъ съ миромъ, ниспосланный, по католическому преданію, св. Ремигію для коронованія Хлодвига; самъ св. Ремигій считался его особеннымъ покровителемъ. Святость города невольно переносилась средневѣковымъ челоувѣкомъ и на его сеніора—архіепископа Реймскаго и дѣлала его особу неприкосновенной. Въ рукахъ Реймскаго архіепископа, дѣйствительно, сосредоточена была громадная моральная, военная и матеріальная силы. Онъ первое духовное лицо въ французскомъ королевствѣ, кардиналъ и легатъ апостольскаго престола; онъ тѣсно связанъ съ папою и находится подъ ихъ преимущественнымъ покровительствомъ. Его владѣнія—обширны и разнообразны; кромѣ Реймса, онъ имѣетъ еще огромное число небольшихъ городовъ и сель. принадлежащихъ реймской провинціи, и его замки разбросаны кругомъ Реймса. Въ случаѣ войны онъ могъ выставить со своихъ земель сильное войско, которымъ онъ не разъ оказывалъ помощь французскимъ королямъ. Его доходы были многочисленны и поддавались постоянному увеличенію; въ самомъ Реймсѣ и въ Реймскомъ діоцезѣ было много богатыхъ монастырей, зависѣвшихъ отъ Реймскаго архіепископа и удѣлявшихъ ему часть своихъ богатствъ; въ рукахъ самого архіепископа находилась духовная и свѣтская власть, которую онъ съ удобствомъ могъ превращать въ средство къ добыванію денегъ. Вотъ съ такимъ то могуществомъ прелатомъ—барономъ и вступила въ борьбу реймская коммуна. Она возникла въ 1139 году. Это было время весьма пригодное для образованія коммуны; кругомъ Реймс:

въ Нуайонѣ, Бовэ, Амьенѣ, Суассонѣ, Лаонѣ,—кипѣло уже возстаніе противъ феодальной власти; въ самомъ Реймсѣ архіепископа не было: онъ умеръ, и его кафедра долго оставалась свободной вслѣдствіе ссоры французскаго короля съ папой и отлученія, наложеннаго на короля съ церковію. Пользуясь этими благопріятными обстоятельствами и по примѣру ближайшихъ городовъ, жители Реймса ввели у себя коммунальное устройство по образцу Лаонской коммуны и выхлопотали себѣ у короля грамоту, утверждавшую это устройство. Энтузіазмъ, поднявшій знамя свободы въ Реймсѣ, сообщился и окрестному населенію, — окружавшіе Реймсъ бурги провозгласили коммуну и даже крѣпостное, полурабское населеніе обнаружило стремленіе войти въ составъ Реймской коммуны, куда ихъ охотно и принимали. Скоро движеніе получило широкіе размѣры и грозило уничтоженіемъ не только свѣтской, но и духовной власти архіепископа. Коммуна уже начала распорядиться церковными и монастырскими людьми и такъ какъ она не имѣла ни городской башни съ вѣчевымъ колоколомъ, ни общественнаго дома, то собранія гражданъ происходили въ церкви св. Симфоріана, по звуку колоколовъ; коммуна начала даже отдѣльно совершать богослуженіе; она воспользовалась для этого однимъ низложеннымъ священникомъ, приставшимъ къ партиіи самыхъ крайнихъ демагоговъ. Встревоженное духовенство обратилось къ королю съ просьбой прекратить беспорядки, самъ Бернаръ Клервоскій, подвижникъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ обществѣ и уважаемый королями и папами, возсталъ противъ Реймской коммуны и умолялъ папу положить ей конецъ избраніемъ архіепископа. Такъ дѣло продолжалось до 1170 года, когда на Реймскую кафедру былъ посвященъ Сансонъ Мальвуазскій. Новый архіепископъ не хотѣлъ признать правъ за коммуной, но онъ былъ человѣкъ слабаго характера, склонный болѣе къ компромиссамъ, чѣмъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и готовый смотрѣть сквозь пальцы на нарушенія своихъ правъ. Войско Сенъ - Денискаго аббата Сугерія и посредничество Бернара примирило его съ коммуной; коммуна была ограничена, церковь Симфоріана—отнята у ней и вновь освящена, но власть архіепископа уже не могла возстановиться опять въ тѣхъ предѣлахъ, какія принадлежали ей до коммунальнаго движенія.

До конца своей жизни Мальвуазенъ слабо боролся съ коммуной и никогда не могъ ее одолѣть; онъ принужденъ былъ терпѣть коммуву. Не таковъ былъ преемникъ его, Генрихъ Французскій, братъ короля. Своей задачей онъ поставилъ уничтоженіе коммунальныхъ вольностей въ Реймсѣ, и—надо сказать,—шелъ къ выполненію этой задачи шагами твердыми. Онъ не хотѣлъ слышать ни о какихъ сдѣлкахъ и гордо отвергнулъ плату въ 2,000 ливровъ, которую предложили ему горожане за сохраненіе коммунальной партіи. Вспыхнуло возстаніе; коммунисты овладѣли укрѣпленными домами и выгнали изъ города приверженцевъ архіепископской партіи. Тогда Генрихъ призвалъ короля на помощь и при содѣйствіи его войскъ разрушилъ до 50 домовъ главныхъ заговорщиковъ. Но горожанъ было трудно испугать такой мѣрой; месть архіепископа не смирила ихъ, а только еще болѣе увеличивала ненависть къ нему, возбуждала страсти и толкала на дальнѣйшее сопротивленіе. Какъ скоро королевскій отрядъ удалился отъ Реймса, граждане снова взялись за оружіе, захватили дома, принадлежащіе архіепископу а самого его заставили запереться въ своемъ неприступномъ замкѣ. На этотъ разъ Генрихъ обратился не къ брату, дѣйствія котораго казались ему мягкими, а къ свѣтскому, феодалу графу Фландрскому, который и явился къ Реймсу съ шеститысячнымъ отрядомъ. Борьба Реймской коммуны противъ своего епископа, такимъ образомъ, незамѣтно перешла въ борьбу противъ феодальной власти вообще. Не имѣя силъ противиться огромному войску фландрскаго графа, реймскіе граждане придумали весьма хитроумный способный путь: они всѣ удалились изъ города, уничтоживши напередъ съѣстные припасы. Войску ничего было ѣсть, и рыцари, опасаясь голодной смерти, чрезъ сутки оставили городъ. Напрасно архіепископъ умолялъ ихъ, льстилъ имъ, давалъ разныя обѣщанія,—голодные фламандцы спѣшили покинуть пустой городъ. Генрихъ принужденъ былъ вступить въ переговоры со своей паствой и заключить миръ, выгодный для коммуны, но „убыточный и безчестный для него“,—какъ выразился о немъ одинъ современникъ этихъ событій. Можно представить себѣ, какъ должна была дѣйствовать на тогдашнее общество эта побѣда Реймса надъ суровымъ и энергичнымъ феодаломъ! Она подняла духъ

коммуны не только Реймса, но и сосѣднихъ городовъ и придала бодрости тѣмъ, которыя еще не успѣли покончить борьбу за независимость.—Слѣдующій за Генрихомъ архіепископъ уже не пытался преслѣдовать коммуну: онъ былъ миролюбивѣе своего предшественника и старался только о томъ, чтобы согласить свои феодалныя права съ коммунальными стремленіями буржуазіи и поставить границы между юрисдикціей городского совѣта и своимъ свѣтскимъ судомъ. Вслѣдствіе этихъ стремленій и по взаимному соглашенію съ представителями Реймса составлена была хартія, примирявшая обѣ спорящія стороны, которая и легла въ основаніе дальнѣйшей исторіи этого города. Итакъ, Реймсъ въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли; у него было самоуправленіе, хотя и ограниченное; у него была своя хартія вольностей, хотя и дарованная милостію архіепископа. Однако,—было бы ошибкой думать, что съ дарованіемъ хартіи окончилась и борьба между городомъ и его духовнымъ сеніоромъ. Эта борьба продолжалась и послѣ хартіи; реймская хартія была компромиссомъ между феодализмомъ и городскимъ самоуправленіемъ и, какъ таковая, не отвѣчала ни тому, ни другому; епископы всегда стремились толковать хартію въ свою пользу, горожане это, напротивъ, добивались расширенія своихъ привилегій. Уже Вильгельмъ шампанскій,—тотъ самый архіепископъ, который создалъ Реймскую грамоту,—въ письмахъ своимъ друзьямъ жаловался, что лучшія его намѣренія не удалось, что онъ утомленъ постоянными ссорами съ коммуной. А его преемникъ Обри де Го-Вилъ нѣсколько разъ обращался къ королю съ просьбою обуздать коммуну; онъ жаловался, что горожане не отдають ему, — архіепископу, — городскихъ ключей, отказываются исполнять его распоряженія, требуютъ, чтобы его приказанія напередъ были утверждаемы городскимъ союзомъ. Впрочемъ, до жаркихъ и кровавыхъ сценъ распря въ Реймсѣ не доходила при этихъ двухъ епископахъ: она ограничивалась мелкими житейскими стычками между городомъ и его пастыремъ. Въ XIII-мъ вѣкѣ, при Людовикѣ IX-мъ Святомъ, каеэдру Реймскую занялъ еще разъ убѣжденный противникъ коммуны, напомнившій Реймсу времена Генриха Французскаго, которому онъ приходился тезкой,—Генрихъ-де-Брэнъ. Это былъ человекъ въ высшей степени честолюбивый, олли-

чавшійся смѣлостью и непреклонностью характера. Онъ съумѣлъ сдерживать и непреклонный духъ католическаго монашества и гордыя претензіи горожанъ, любилъ держать всѣхъ въ повиновеніи. На сѣверной сторонѣ города архіепископы Реймскіе имѣли замокъ, построенный еще Генрихомъ французскимъ. Замокъ этотъ назывался Pont-Mars, потому что старинная римская арка въ честь бога Марса, служившая нѣкогда городскими воротами, была включена въ одну изъ башенъ замка. Онъ представлялъ собой цѣлую крѣпость, обращенную къ городу: одной стороной онъ выходилъ въ поле и посредствомъ подъемнаго моста сообщался съ окрестностями, что давало архіепископу возможность ввести въ замокъ сколько угодно войска; съ другой, городской стороны онъ окруженъ былъ рвами, стѣнами и военными машинами. Въ этомъ-то неприступномъ замкѣ и застѣлъ Генрихъ де-Бренъ вмѣстѣ со своимъ судомъ, наводившимъ ужасъ на реймскихъ гражданъ. Сюда приглашали ихъ къ отвѣту, и никто, разъ вступивши въ него, не былъ увѣренъ, воротится-ли онъ назадъ цѣлымъ и невредимымъ. У архіепископа по всему городу разсыяны были шпіоны, доносившіе ему обо всемъ, что тамъ дѣлалось и говорилось; и тотъ, кто былъ заподозрѣнъ въ злокозненныхъ въ отношеніи къ архіепископу намѣреніяхъ, приглашался къ нему на судъ. Если горожанинъ медлилъ исполнить приказаніе, то съ городской стороны епископскаго замка спускался подъемный мостъ, изъ него выходила стража и разыскивала обвиненнаго; когда виновному удавалось ловко скрыться, вмѣсто него брали родственника или перваго встрѣчнаго и держали въ замкѣ, пока не являлся разыскиваемый. Много горожанъ входило въ это время въ замокъ, но не многіе возвращались изъ него назадъ. Мрачныя и душныя подземелья, пытки и истязанія всякаго рода оканчивали дѣло раньше, чѣмъ родственникамъ захваченнаго удавалось внести выкупъ. Произволъ епископа ничѣмъ не былъ ограниченъ: когда въ послѣдствіи, при усилившемся вмѣшательствѣ короля, реймскихъ епископовъ спрашивали, что случилось съ тѣмъ или другимъ плѣнникомъ, архіепископы отвѣчали, что они умерли во время заключенія,—и на этомъ отвѣтѣ слѣдствіе останавливалось. Мрачный характеръ архіепископа и деспотизмъ его правленія вдохнули новую жизнь въ рейм-

скую коммуну; она опять поднялась на защиту городской свободы и объявила войну архіепископу. Однажды въ воскресный день деканъ и члены капитула въ торжественной процессіи шла по городу: они провожали тѣло умершаго собрата; въ это время, огромная толпа, слѣдовавшая за процессіей, напала на духовенство, осыпала ихъ бранью и подвергла оскорбленіямъ. „Они ухали на служителей Божіихъ, какъ на волковъ или какъ на собакъ“,—съ нѣкоторымъ ужасомъ замѣчаетъ объ этомъ происшествіи письмо папы Григорія IX-го. Но это было только началомъ другихъ болѣе обидныхъ для архіепископа и его канониковъ дѣйствій. Въ параллель епископскому суду, тяготѣвшему надъ гражданами, городской совѣтъ потребовалъ къ своему суду архіепископскихъ вассаловъ и чиновниковъ, и одного изъ послѣднихъ, именно—самого судью приговорилъ къ изгнанію. Затѣмъ онъ запретилъ всѣмъ въ городѣ поступать въ служеніе къ духовнымъ не иначе, какъ только на извѣстныхъ условіяхъ, запретилъ продавать что бы то ни было каноникамъ и вступать съ ними въ сдѣлки. Когда архіепископъ, узнавшій о городскихъ безчинствахъ, задумалъ произвести слѣдствіе, то городской совѣтъ издалъ запрещеніе говорить правду—и архіепископъ не добился никакого толку. Наконецъ, воспользовавшись отсутствіемъ епископа, отправившагося съ отъѣздомъ по дѣламъ своего діоцеза, горожане Реймскіе произвели открытое возстаніе и начали правильную осаду замка. Оставшійся безъ своего главы капитулъ произнесъ отлученіе на непокорныхъ,—и на это лишеніе духовной пищи горожане отвѣтили лишеніемъ пищи матеріальной: коммуна запретила продавать каноникамъ жизненные припасы, и это распоряженіе съ точностью было исполнено. Тогда испуганный капитулъ тайно убѣжалъ изъ города, оставивъ свои дома на разграбленіе черни, и донесъ обо всемъ папѣ.—Папа рѣшился примѣнить къ Реймсу самую крайнюю мѣру, какая была въ его распоряженіи и которая въ теченіе среднихъ вѣковъ всегда оказывала могущественное дѣйствіе на умы. Въ особой буллѣ на имя реймскаго духовенства онъ приказалъ торжественно провозгласить отлученіе на всю реймскую митрополию по формулѣ, приложенной къ буллѣ. Вотъ эта любопытная формула, ясно показывающая, къ какимъ средствамъ прибѣгали папы для

защиты свѣтской власти церкви; „Властію вселенскихъ соборовъ и по примѣру св. отцовъ, во имя Отца и Сына и дѣйствиємъ св. Духа, мы отлучаемъ жителей Реймса отъ нѣдръ св. матери церкви, какъ гонителей церквей Божіихъ, хищниковъ и челоуѣкоубійцъ, и осуждаемъ ихъ анаѣемой вѣчнаго проклятiя. Да будутъ они прокляты въ городѣ, да будутъ прокляты въ селѣ. Да будутъ прокляты имѣнiя ихъ, и тѣла ихъ да будутъ прокляты. Пусть падетъ проклятiе на плодъ утробы ихъ и на плодъ земли ихъ. Пусть падутъ на главу ихъ всѣ бѣдствiя, которыя Господь изрекъ устами Моисея противъ нарушителей закона. Да будутъ они анаѣема, маранаѣа, то есть, да погибнуть они во второе пришествiе Господа нашего. Никто изъ христіанъ не долженъ имъ говорить привѣтствiя. Ни одинъ священникъ не долженъ служить для нихъ обѣдни, не долженъ давать имъ причастiя. Пусть они будутъ погребены во гробѣ осла, пусть какъ пометъ будутъ брошены на лицѣ земли. Если они не принесутъ плодовъ достойныхъ покаянiя, то да угаснетъ свѣтъ ихъ, какъ гаснутъ свѣтильники въ рукахъ нашихъ.“—Приказанiе папы было исполнено; приведенная формула прочитана была въ соборномъ храмѣ Реймса, при уныломъ звонѣ колоколовъ. Ее читалъ епископъ въ полномъ облаченіи, окруженный 12-ю священниками съ зажженными факелами въ рукахъ: съ послѣдними словами формулы епископъ и священники бросили факелы на землю и попирали ихъ ногами.—Отлученiе оказало должное и желательное для папы дѣйствиѣ. Противъ Реймса теперь выступилъ самъ король и отнялъ у него всѣ права, добытыя имъ во время возстанiя. Коммуна должна была заплатить за всѣ убытки, понесенныя архіепископомъ и капитуломъ, возстановить всѣ разрушенныя дома, исправить поврежденiе и заплатить архіепископу 10,000 тысячъ ливровъ. Послѣ тревожной жизни въ городѣ наступила тишина; утомленные и разочарованные жители подчинились силѣ обстоятельствъ, но они не отказались и теперь отъ своихъ притязанiй. При преемникахъ Генриха коммуна снова обнаружила признаки жизни и стремленiе къ самостоятельности, снова начала ссоры съ архіепископами. Это было уже во второй половинѣ XIII-го вѣка, когда во Франціи достаточно окрѣпла королевская власть и парламентъ приобрѣлъ значенiе высшаго судебнаго трибунала

Борьба коммуны съ притязаніями феодальнаго барона съ этого времени переносится въ парламентъ, и хотя она велась съ тѣмъ же ожесточеніемъ и съ тою же ненавистью, что и прежде, но уже не посредствомъ оружія, а при помощи разныхъ юридическихъ тонкостей и изворотовъ. Настали другія времена, и прежняя свобода борьбы уличной уже была непримѣнима. Такимъ образомъ споръ Реймской коммуны съ епископомъ тянулся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и развивался при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: то коммуна брала верхъ надъ архіепископомъ, то архіепископъ разрушалъ коммуну, и при этомъ, однако, ни одна сторона ни разу не достигала полной и окончательной побѣды. При двухъ архіепископахъ Генрихахъ коммуна, казалось, совсѣмъ была раздавлена, но проходитъ два-три года,—и она вновь возрождается, вновь начинаетъ свое дѣло. Однако, и коммуны не удается добыть себѣ въ полности то къ чему она стремилась; даже въ самые цвѣтушіе годы своего существованія она не была коммуной въ собственномъ смыслѣ т. е. полной и самостоятельной республикой: она всегда находилась въ зависимости отъ сеніора и несла рядъ не совсѣмъ легкихъ обязательствъ. И если мы спросимъ кто побѣдилъ въ концѣ концовъ, то должны будемъ отвѣтить такъ: побѣдилъ парламентъ и его король. Вмѣшавшіеся въ распрю коммуны съ архіепископомъ, парламентъ постепенно и незамѣтно отнялъ политическія права у того и другого и присвоилъ ихъ королю: архіепископъ обратился въ аристократа духовнаго, а коммуна въ городское управленіе, подчиненное центральной власти,—результатъ, который, въ послѣдствіи, раздѣлили съ Реймсомъ и всѣ другія французскія коммуны.

Разсмотрѣнныя коммуны—Лаонская и Реймская—имѣютъ тотъ общій признакъ, что обѣ они возникли путемъ революціоннымъ, посредствомъ отчаянной борьбы съ сеніорами: Этотъ признакъ и является вообще характеристичной чертой исторіи освобожденія сѣверной полосы *французскихъ* городовъ. Въ другихъ странахъ Европы,—въ Англии и Германіи,—мы уже не встрѣчаемъ ни коммунальной революціи, ни тѣхъ драматическихъ эпизодовъ, какими сопровождалась эта революція во Франціи. Процессъ освобожденія городовъ въ нихъ идетъ медленно и спокойно.—безъ толчковъ, безъ

ссоръ, безъ войны,—въ связи съ общимъ политическимъ и гражданскимъ развитіемъ страны. Такъ, въ Англіи бурги не имѣли надобности оружіемъ завоевывать себѣ муниципальную свободу: они легко могли купить ее себѣ за деньги, какъ напр. и поступили граждане Лейчестера. Мало того,—даже и къ этому легкому средству англійскіе города не всегда должны были обращаться. Но особымъ причинамъ въ Англіи феодализмъ никогда не обладалъ такою политической силой, какая принадлежала ему на континентѣ; сениоры здѣсь жили ближе къ городамъ, дѣйствовали за одно съ ними и прямо были заинтересованы въ ихъ развитіи и самоуправленіи. Поэтому, въ Англіи не рѣдкостью было—встрѣтить такихъ либеральныхъ феодаловъ, которые немало не противились стремленіямъ городовъ къ свободѣ, и даже сами, по собственному почину, дарили имъ то, предъ чѣмъ приходили въ ужасъ бароны сѣверной Франціи. Таковы были графы Ponthieu и въ особенности Вильгельмъ III-й, который добровольно даровалъ коммунальныя хартіи нѣсколькимъ городамъ; такими же дѣйствіями прославилась и Жанна-Константинопольская, раздававшая привилегіи городской вольности направо и налево.—Совершенно особая судьба выпала на долю германскихъ городовъ. Эти города должны были пройти двѣ ясно намѣченныя стадіи своего развитія прежде, чѣмъ успѣли добыть себѣ самостоятельность. Въ XII-мъ вѣкѣ, когда коммунальное движеніе въ средней Европѣ достигло высшей степени своего напряженія, германскіе города, подобно сѣверно-французскимъ, пытались освободиться чрезъ возстаніе, но встрѣтили противъ себя тогда еще могущественную силу германскаго императора, отъ котораго они прямо зависѣли. Они получили, поэтому, только нѣкоторыя гражданскія льготы и гарантіи, а не политическія права, которыхъ они добивались и которыхъ императоръ не хотѣлъ имъ уступать. Это гражданское освобожденіе и было первымъ моментомъ въ развитіи самостоятельности германскихъ городовъ; лѣтъ сто спустя за нимъ послѣдовала второй и окончательный фазисъ развитія, когда въ Германіи появляются вольные города, только номинально зависящіе отъ императора, на самомъ же дѣлѣ пользующіеся всѣми правами верховной власти. Онѣ вызваны были разложеніемъ германской имперіи на отдѣльныя герцогства

и княжества, совершившимся въ XIII в., и тѣмъ униженіемъ, въ какое была поставлена императорская власть послѣ вѣковой борьбы за Италію и противъ папства.—Такимъ образомъ, за время отъ XI-го до XIII-го вѣка вся Европа пережила одно и то же великое движеніе и одинаково во всѣхъ странахъ измѣнила свой видъ; городскія общины, прежде молчаливыя и столь смиренныя, что о нихъ ничего неизвѣстно, возвышаютъ свой голосъ, развиваются, стремятся къ одной и той же цѣли—освобожденія и, не смотря на различіе эпохъ, странъ и препятствій,—всѣ болѣе или менѣе приближаются къ этой цѣли; общій потокъ увлекаетъ въ этомъ направленіи всѣ значительныя европейскія города, и карта феодальной Европы отъ сѣвера до юга усѣивается независимыми, привилегированными общинами. Общественное сознаніе средневѣковой Европы расширяется и обогащается новой идеей, идеей свободнаго города, и на политическомъ языкѣ появляются новыя слова: коммуна, буржуазія, третье сословіе.

Освобожденіе городовъ совершилось; посмотримъ теперь, на какихъ началахъ устроились освобожденные города и въ чемъ заключалась ихъ свобода?

Что такое представлялъ собою освобожденный средневѣковый городъ?—на этотъ вопросъ историческая наука отказывается дать одинъ общій,—вѣрный дѣйствительности и исчерпывающій сущность дѣла отвѣтъ. Города средневѣковые, какъ мы видѣли, имѣли почти одну и ту же исторію, дѣйствовали въ однихъ цѣляхъ и подъ вліяніемъ одинаковыхъ побужденій, и однако результатовъ они достигли различныхъ. Одни города получили почти полную свободу, сдѣлались автономными республиками; другіе освободились только номинально, на хартіи, въ дѣйствительности же продолжали оставаться въ полной политической зависимости отъ сеніора. Въ однихъ вся городская власть сосредоточилась въ рукахъ немногихъ семействъ, аристократовъ, напоминавшихъ собою древнія олигархіи греціи; въ другихъ всѣми дѣлами города вѣдало и управляло общее собраніе горожанъ. Это различіе и даже противоположность въ конституціяхъ городовъ послѣ ихъ освобожденія хорошо объясняется исторіей самаго коммунальнаго движенія; города возставали и боролись за свою самостоятельность внѣ взаимной связи, въ одиночку, въ

разбросъ; каждый городъ опирался на свои силы, имѣлъ противъ себя своего сеніора, и въ концѣ концовъ добывалъ свою хартію вольностей и привиллегій, составленную въ виду мѣстныхъ городскихъ условій и въ зависимости отъ мѣстныхъ же обстоятельствъ борьбы. Энергія горожанъ, объемъ ихъ требованій, личный характеръ сеніора и множество другихъ побочныхъ и мелкихъ причинъ вліяли на исходъ городского возстанія и обуславливали собою содержаніе коммунальной хартіи. Поэтому, при изученіи городскихъ учреждений гораздо болѣе легкой оказывается установить между городами извѣстную іерархію, начиная съ полной автономіи и кончая послѣдней ступенью подчиненности, чѣмъ классифицировать ихъ по опредѣленнымъ типамъ. И, дѣйствительно, были историки, которые прямо отказывались отъ методическаго изученія городскихъ учреждений и заявляли, что сколько хартій, столько и типовъ городской свободы и самоуправленія. Въ настоящее время, однако, это мнѣніе, какъ крайнее, оставлено, и историческая наука обыкновенно дѣлитъ города въ отношеніи къ ихъ привиллегіямъ на два класса: на города буржуазіи и города коммунальные. Различіе между обоими этими классами городовъ заключается въ томъ, что города буржуазіи, обезпечивъ себѣ ту или другую долю гарантіи противъ сеніоральнаго произвола т. е. получивши извѣстную сумму гражданскихъ правъ, никогда не могли достигнуть самоуправленія или политической независимости, они управлялись по прежнему своими сеніорами; коммунальные же города сдѣлались городами независимыми отъ сеніора, управлялись своими должностными лицами. встали рядомъ съ сеніоромъ и обратились какъ бы въ коллегіальныя сеніоріи; какъ сеніоръ былъ полнымъ государемъ въ своемъ помѣстьи и не терпѣлъ никакого посторонняго вмѣшательства; такъ и коммунальныя города являлись маленькими государствами или республиками, при чемъ верховная власть въ нихъ вмѣсто сеніора принадлежала общему собранію или городскому совѣту или аристократіи или, наконецъ, выборнымъ должностямъ. Нужно помнить, впрочемъ, что это раздѣленіе условно и никогда не существовало на практикѣ; оно принято наукой только потому, что другой лучшей и болѣе обоснованной классификаціи городовъ дать невозможно.

Спрашивается теперь, какія же измѣненія были внесены этимъ фактомъ въ политическую жизнь Европы и чѣмъ онъ отразился на дальнѣйшихъ судьбахъ феодализма?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже ясенъ самъ собою; освобожденіе городовъ ограничивало феодализмъ, ослабляло силу феодальныхъ сеніоровъ и вырывало изъ рукъ ихъ весьма значительную долю власти. Рядомъ съ феодальнымъ строемъ оно поставило совершенно новое политическое явленіе—городскую общину, которая никакъ не могла войти и помѣститься въ рамкахъ этого строя. Этотъ характеръ городской общины хорошо понимали и сами феодальные сеніоры, поневолѣ или съ добраго согласія, надѣлявшіе города хартіями вольностей. Если всмотрѣться въ городскія хартіи, то легко можно замѣтить, что всѣ они представляли собой какъ бы компромиссъ, нѣкоторую своеобразную сдѣлку между феодализмомъ и новыми стремленіями городовъ. Города, однако, никогда не были довольны хартіями и, получивши ихъ, все-таки продолжали борьбу съ феодализмомъ, безпрестанно старались расширить свои прерогативы на счетъ сеніора. И это понятно: городамъ, т. е. торговому и ремесленному люду, еще недостаточно было устроиться прочно и мирно внутри своихъ стѣнъ: для успѣха въ занятіяхъ имъ нужно было создать твердый общественный порядокъ, который дѣлалъ бы возможнымъ широкую торговлю и процвѣтаніе промышленности; имъ нужна была общая центральная законодательная власть, которая могла бы обезпечить миръ не въ городахъ только, но въ цѣлой странѣ въ интересахъ общаго преуспѣянія. Эти-то стремленія городовъ создать новыя общественныя порядки и погубили феодализмъ, основанный на дробности, обособленности общественныхъ отношеній. Справедливо замѣчаютъ, что каждый успѣхъ средняго сословія былъ ударомъ для феодализма; въ вѣкъ освобожденія городовъ такихъ ударовъ нанесено было ужь слишкомъ много. Зданіе феодализма не вынесло ихъ и стало постепенно разрушаться: оно уступило свое мѣсто новымъ центральнымъ учрежденіямъ, сосредоточившимъ въ себѣ всю верховную власть надъ той или другой страной и обратившимъ эти страны въ извѣстныя намъ государства Европы.

Процессъ образованія новыхъ учрежденій въ разныхъ частяхъ Европы совершается различно, и огромную роль въ

немъ играютъ освобожденные города. Въ сущности весь вопросъ въ этомъ процессѣ сводится къ тому, какъ поведутъ себя города въ отношеніи къ вновь возникавшей или сохранявшейся и при феодальномъ строѣ королевской власти? Дальнѣйшая исторія дала на этотъ вопросъ самыя разнообразныя отвѣты. Во Франціи города встали на сторону короля, увеличили его силы и содѣйствовали побѣдѣ королевской власти надъ феодалами; союзъ городовъ съ королемъ создалъ здѣсь новое государство въ формѣ строго централизованной монархіи. Въ Англіи, напротивъ, города дѣйствовали рядомъ и за одно съ феодалами противъ произвола королевской власти; соединившись силами, города и феодалы здѣсь ограничили королевскую власть и на ея мѣсто поставили новое учрежденіе,—учрежденіе центральное по отношенію ко всей странѣ, но въ тоже время выборное, конституціонное т. е. парламентъ. Въ Германіи города не вступали въ союзъ ни съ императоромъ, ни съ феодалами; они удовольствовались той долей, которая досталась имъ послѣ ихъ освобожденія въ XIII вѣкѣ; поэтому-то и Германія къ концу среднихъ вѣковъ не могла составить изъ себя самостоятельное цѣлое: она распалась на множество отдѣльныхъ феодальныхъ княжествъ и вольныхъ городовъ, надъ которыми императоръ до самого позднѣйшаго времени имѣлъ только номинальную власть. Наконецъ, въ Италіи города поглотили собой и феодализмъ и королевскую власть. Италія, какъ и Германія, въ концѣ среднихъ вѣковъ составляла собой отдѣльныя государства, но эти государства здѣсь сосредоточились въ городахъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ совершенно особнякомъ другъ отъ друга.

Такимъ образомъ, возрожденіе западно-европейскихъ городовъ и возникновеніе новаго буржуазнаго класса населенія, вошедшаго въ качествѣ равноправной и самостоятельной единицы въ составъ средневѣкового общества, разрушило феодальный порядокъ и сдѣлалось источникомъ новыхъ политическихъ образованій во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ западной Европы, предворяющихъ собой уже эпоху новаго времени. Здѣсь историческій пунктъ, на которомъ изслѣдователь западно-европейскаго средневѣковья, понимаемаго въ точномъ смыслѣ, можетъ поставить точку.

А. Спасскій.